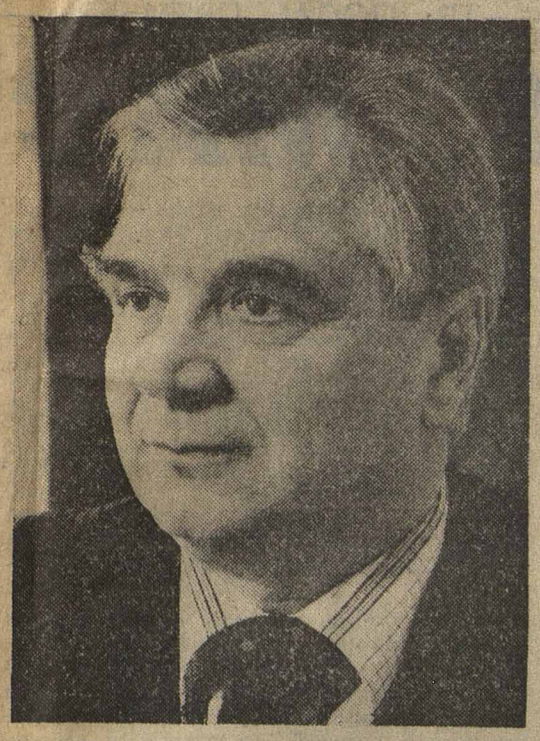
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1985, 10 окт.

Юрий Мушкетик: ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

НАС ВЗРАСТИЛА ЗЕМЛЯ

«Поэт деревенской прозы» — среди определений творчества известного украинского писателя Юрия Мушкетика в литературной критике встречаем и такое.



Юрий Михайлович Мушкетик пришел в литературу двадцатипятилетним. Первое произведение студента Киевского университета — историческую повесть «Семен Палий» — в 1954 году издал «Радянський письменник». Вскоре появились «Гайдамаки» — роман, развивающий тему народной истории. Могло показаться, что молодой литератор определил свой тематический круг. Но следующие книги Юрия Мушкетика перенесли читателя в украинское село времен Великой Отечественной, за ними последовали романы и повести, обращенные к актуальным проблемам наших дней, к образам современников, прежде всего — тружеников земли.

За одну из наиболее значительных книг на сельскую тему — роман «Позиция» — Юрий Мушкетик в 1979 году удостоен Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

— Юрий Михайлович, и в вашем романе «Рубеж» вы вновь обращаетесь к проблемам жизни села. Что так прочно связало ваше творчество с сельской темой, чем она вас уже почти три десятилетия влечет к себе?

— Неисчерпаемостью. Тем, что она дает возможность найти принципиально важные вехи в становлении советского характера. И потом село меня вырастило. В конце двадцатых годов мой отец был учителем, мать — колхозной активисткой. Позднее она много лет была председателем колхоза. Сельская жизнь в мое сознание вошла прежде всего как борьба с отжившим. Борьба не только за колхозы, а и за утверждение коллективистского начала в мировосприятии земледельца.

Конечно, судьба сельского труженика неотделима от судьбы всего народа. Но какие-то процессы и явления на селе как бы более обнажены. Отец, ему сейчас 87 лет, рассказывал мне: вернулся он в нашу Веркиевку на Черниговщине с империалистической войны, стоит однажды во дворе, а сосед носит навоз на огород. Вдруг в небе рокот мотора. Отец кричит: «Дядько Павел, самолет» (то был первый самолет над нашим селом). А дядько Павел поднял вверх голову, посмотрел, снова опустил глаза к земле, сплюнул и сказал: «Хозяин в небо не полетит».

Прошло время — и полетел. Теперь человек хозяин и в космосе, и у себя на земле. Революция освободила его от самого цепкого рабства — психологии собственника. Менялись способы труда, сам образ жизни селянина. Я сам знаю, что такое серп, коса с грабками, лобогрейка. Серп — это орудие труда, которое казалось незаменимым еще со времен Египта... А теперь во многих селах ценят его разве что как экспонат для народных музеев.

Земля нас взрастила. С ней связаны наша история, современность и будущее. Но как не заметить, например, что часть людей, живущих на земле, равнодушна к своей кормилице, не болеет за нее так, как должна бы. Видим огромные усилия государства, направленные на сближение, единение человека с землей уже на новом витке развития социалистического общества. Аккордный метод, плоскорезы, метод работы на полном севообороте — идут поиски путей, чтобы сделать землю щедрее. Но не одни технологические задачи стоят перед нами, нравственные, воспитательные ничуть не менее значимы. Разлад с землей противоестествен. Вот и нужно искать нового согласия с природой на новой, научной основе. Немало ученых, писателей, художников трудятся в русле этой проблемы. Она волнует и меня.

Я хорошо знаю послевоенное село, но жизнь сегодняшнего села приходится изучать повседневно. И рядом с видимыми переменами есть и такие, которые разглядишь не сразу. Не все перемены сразу заметны и в человеке, отнюдь не все лежат на поверхности. Что мы приобрели и что утратили по сравнению с нашими предками? Что должны приобретать впредь, что сохранять? Что такое совесть? Как воспитать совестливого человека? Ведь это значит с детских лет создать у него иммунитет к эгоизму, стяжательству, проявлению частнособственнических инстинктов. Личное и коллективное. Заботы собственной семьи и всей страны. Как они соотносятся? Сельская тема выводит и на такие проблемы.

— Василь Грек из «Позиции», Орест Шостак из «Рубежа», как и характеры героев ваших предыдущих книг «Белая тень», «Войди в дом свой», не однозначны. Каждый из них что-то в себе преодолевает, подчас восставая против самого себя... А свою авторскую позицию вы отчетливо выразили в словах, связанных с романом «Белая тень»: «Мое отношение к герою четкое, осуждая недостатки характера Дмитрия Ивановича Марченко, я боролся вместе с ним за него, не отбирал у героя перспективы». Ну, а как читатель? Как вы думаете, каково влияние положительного примера на него?

— Сила личного примера — безгранична. Воспитывают ведь не слова, пусть даже самые лучшие, но оторванные от реального дела. Не случайно партия с такой остротой ставит вопрос о том, чтобы слово не расходилось с делом. Очень современно, на мой взгляд, звучит сегодня мысль М. И. Калинина: «Воспитатель влияет на воспитуемых не только тем, что дает им определенные знания, но и своим поведением, образом жизни, отношением к обыденным явлениям». Эту цитату я, конечно, нашел уже в зрелом возрасте. Но еще в раннем детстве мои сверстники — мальчишки нашей полесской деревни — знали от взрослых, что Михаил Иванович Калинин собственных детей-школьников каждое лето посылает на работу в колхоз. И пример этот был неотразимо убедителен. Тогда еще и понятия такого, как трудовое воспитание, не было, было само это воспитание — в его абсолютно естественном виде. И нам, сельским ребятишкам, было бы невыносимо стыдно летом бить баклуши, гонять тряпичный мяч да по деревьям лазать, в то время как дети самого Михаила Ивановича Калинина, человека бесконечно уважаемого в народе, работают в поле.

Мы собирали кок-сагыз, пасли скот, а повзрослев, пахали землю, косили, работали на молотилке. Мы еще не читали тогда книг Владимира Ильича Ленина. Знакомство с его трудами произошло позже. Но все мы знали о том, что в голодные годы Владимир Ильич получал такой же, как и другие, скудный хлебный паек, что вся жизнь его — неустанный труд, а все его мысли и чаяния отданы нам, маленьким гражданам. И в этой обоюдной любви был залог того, что наша страна выстоит в любых испытаниях.

Во многом все наши победы основаны на умении равняться на великий пример, на великий идеал. В нашей истории таких примеров беззаветного служения народу тысячи тысяч — от Чапаева, Стаханова и Николая Островского до Гагарина, до шахтера Стрельченко, до Шолохова. Любой из известных стране рабочих, хлеборобов, ученых вкладывал и вкладывает в наше великое созидание не только конкретный труд, но и спрессованный заряд духовной энергии — силу собственного примера.

Однако хорошо известно: читатели и зрители безупречных, стопроцентно благополучных героев не принимают. Жизнь сложна, противоречива, конфликтна. Так что герой, ищущий свой путь, сумевший проверить себя в испытаниях, ближе читателю. Герой литературного произведения должен выстрадать свой идеал, тогда в него поверят. Ведь и в жизни человек честный, порядочный нередко куда труднее приходит к желанным целям, чем хитрец и приспособленец. В одной и той же ситуации хитрец пойдет кружным путем, а честный выступит прямо и открыто. Действительно, Василь Грек, Орест Шостак да и другие мои герои переживают много всяческих бед...

Хочется добавить к этим словам Юрия Михайловича: несмотря на это, его герои не выглядят страдальцами... Даже сраженные неизлечимой болезнью, как случилось с Валерием в «Позиции». И Грек, и своеобразный его наследник Орест Шостак не купаются в успехах. Реальные картины жизни встают за коллизиями в книгах. И героини Мушкетика, как Марта в «Рубеже», отказываются от того, что именуется «устроенной судьбой», но отнюдь не становятся неудачницами, живут активно и мужественно.

— Есть ли прототипы у них? — спрашиваю писателя.

— Конечно. Мне нужно непременно оттолкнуться от живой судьбы. Похожую на Марту женщину я встречал в одной из наших деревень. И она, и Орест, которого Марта полюбила, — максималисты. Оттого многое для них непросто. Орест вынужден выступить против своего предшественника, знаменитого колхозного председателя Пароконя, который в руководстве хозяйством и людьми опирался лишь на «волевое начало». Марта, дочь Пароконя, видит в отце самоотверженность, неутомимость, размах. И при всей любви к Оресту простить ему обиду за отца не может. Жаль, ведь они люди одних моральных устоев, одного кодекса порядочности...

— «Рубеж» заканчивается своего рода многоточием. Значит ли это, что вы намеренно предоставляете читателю право решать, что будет с Мартой дальше?

— Поверьте, я сам этого не знаю. Надеюсь, хочу верить, что они с Орестом не потеряют друг друга. Перекипит обида, а любовь уцелеет, возможно, даже окрепнет. Но чтобы к этому прийти, придется обоим немало пересмотреть в собственной душе и поступках.

— Вы говорите о героях так, будто они реальные люди, словно не вы их придумали...

— Писатель мыслит не только логически, когда задумывает книгу. Вот и начинают герои с развитием событий диктовать свои условия... Непредсказуемым бывает их поведение. Прежде всего в книге должна быть сохранена правда человеческой души.

— При жизненной конкретности ваши произведения всегда немного романтичны.

— Романтика... Честно говоря, немного побаиваюсь этого слова. Было время, когда всю украинскую литературу именовали романтической, имея в виду некое приукрашивание жизни... Всеми силами ухожу от «романтики», которая ведет к украшательству. Иное дело — влюбленность писателя, его героев в жизнь. Романтический порыв увлекает меня в людях. Собственно, в любом творческом замысле изначальное — человек, который тебя увлек. О Василе Греке сколько спорили — жизненный это образ или нет? А он между тем взят из жизни. Вначале я написал о таком председателе и о созданном его трудами хозяйстве в очерке для «Правды». Или документальная повесть о Викторе Михайловиче Глушкове. Редко встретишь более увлекательную личность. Например, я не знаю человека с подобной памятью. Томик Пушкина или Шевченко откроешь на любой странице, прочтешь строку — он наизусть читает дальше. Выдающийся кибернетик Глушков был компетентен во многих отраслях знаний — от ветеринарии до плавки металла... И это не просто колоссальные природные способности, это жажда познать жизнь и активнейшим образом в ней участвовать. Высокая в нее влюбленность. В моем понимании это и есть романтика характера, соединившего в себе мечту и способность отдать всего себя ее осуществлению.

— Такие люди необходимы всегда, во все времена. Но особенно велика в них потребность общества сегодня. Не случайно в тех огромных социальных и экономических преобразованиях, на которые нацеливает нас партия, в решении вопросов по ускорению научно-технического прогресса «человеческий фактор» выходит на первый план. Каковы здесь возможности литературы?

— Каждый писатель, стремящийся постичь свое время, в меру сил старается уловить новое в жизни, создать характер современный. Тема научно-технического прогресса пришла из жизни, не придумана, значит, она имеет право на существование в художественной прозе. И мало сказать «имеет право» — ее не обойти литературе, пишущей «историю современности».

Когда-то, во времена наших классиков, скажем, Нечуя-Левицкого или Панаса Мирного, были иные темпы. Медленно катился с горы воз, не спеша шагали волы, так же спокойно, добротно ложились на бумагу строчки. Сегодня время скоростей. Порой кажется, что скорость станет определяющим фактором жизни. Но литература (как и земля!) поспешности не любит. Здесь нельзя спешить, отрываться от почвы, словно «комета» или «метеор». Там техника предусмотрела «воздушную подушку», а у литературы иная «техника», не позволяющая и на минуту пренебречь жизненной основой творчества. Разрешим себе поверхностный взгляд на окружающую действительность, и появляются поверхностные книги, которые умирают на второй день после публикации или... еще в чернильнице.

Я возглавляю Киевскую писательскую организацию. И как раз в ближайшее время мы планируем собрать пленум, посвященный задачам литературы в свете партийных решений по интенсификации экономики, ускорению научно-технического прогресса. Намерены провести его в одном из крупнейших производственных объединений республики — на «Ленинской кузнице». Намечено заслушать два доклада: директора предприятия и представителя нашего писательского «цеха». Думаем, это будет серьезный и полезный «диалог».

С «Ленинской кузницей» мы давно в дружбе, о замечательном рабочем коллективе писатели Киева создали литературную летопись. Написаны такие коллективные книги и о сельских тружениках Киевщины, о тесном союзе рабочего класса и тружеников земли. Работа над подобными книгами в нашей организации стала традицией. И все-таки современная жизнь предъявляет нам новые, более высокие требования, люди хотят получить ответ от литературы на многие волнующие их вопросы.

Вела беседу
Л. ВИРИНА.

КИЕВ.